

- 9 ПСРЛ. Т. I. Стб. 379–385.
- 10 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 606.
- 11 НПЛ. С. 35.
- 12 Там же. С. 35.
- 13 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 387; Бережков Н.Г. *Хронология*. С. 246.
- 14 Бережков Н.Г. *Хронология* С. 245–246.
- 15 НПЛ. С. 36.
- 16 ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408; Бережков Н.Г. *Хронология*. С. 84.
- 17 Алексеев Л.В. *Смоленская земля в IX–XIII вв.* М., 1980. С. 220; Янин В.Л. *Новгородские посадники*. М., 2003. С. 152.
- 18 Милютенко Н.И. Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни (к истории Смоленской литературы XII в.). *ТОДРЛ*. Т. XLVIII. СПб., 1993. С. 124–127.
- 19 ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 244; ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 169; ПСРЛ. Т. XLII. СПб., 2002. С. 105; ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 52; ПСРЛ. Т. XXV. М.–Л., 1949. С. 89. Эта дата «прозрения» есть и в других памятниках, датируемых XVI в. и зачастую вторичных к указанным выше летописям. Поэтому они здесь не рассматриваются.
- 20 Воронин Н.Н., Жуковская Л.П. К истории смоленской литературы. *Культурное наследие Древней Руси*. М., 1976. С. 69–79.
- 21 *Успенский сборник XII – XIII вв.* М., 1971. С. 53; Соболева Л.С. Паремийные чтения Борису и Глебу. *Вопросы истории книжной культуры: Сб. научных трудов*. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 113–115; Завадская С.В. Паремийные чтения о Борисе и Глебе. *Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник*. СПб., 2003. С. 202.
- 22 Воронин Н.Н., Жуковская Л.П. К истории смоленской литературы. *Культурное наследие Древней Руси*. М., 1976. С. 69–79. Небесспорная идея авторов о смоленском памятнике рубеже XII–XIII вв., описывавшем чудо на Смядыни, подтверждается сведением *Ипат.* (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 702–706) об особом почитании смоленскими князьями «топоса» Бориса и Глеба на Смядыни во второй половине – конце XII в. Этот аргумент в данной заметке не рассматривается.

Андрей Кузнецов

О значении и происхождении летописного слова «сайгат»

Необычное для древнерусского языка слово «сайгат» встречается только в Ипатьевской летописи. Дважды на пространстве Киевского свода (в статьях 1174 и 1193 гг.) и четыре раза в Галицко-Вольнской летописи (в статьях 1246, 1260 и 1262 гг.). Согласно первому упоминанию этого термина, можно прийти к выводу, что он обозначает военную добычу, полученную в результате победы дружин Игоря Святославича над половцами у городков Серебряного и Баруча: *наоутрѣва же поуча дахатъ сангаты . княземъ н мужемъ*¹. Летописная статья 1174 г не уточняет, что представлял собой этот *сайгат*. Однако из предшествующего текста, указывающего на то, что половцы были не только избиты, но и пленены,

как будто, следует, что именно пленники и могли быть этим сайгатом: дружна же Нгорєва постнгъше шнѣхъ нзбнѣше . н а ннѣхъ нзньмаша².

Значительно конкретнее выглядит содержание названного термина в летописной статье 1193 г. Причем, выступает он здесь не в форме единственного, но множественного числа, как «сайгаты». Ростислав Рюрикович вместе с союзными ему черными клобуками одержал победу над половцами, захватил большую добычу и поочередно дарил ее своему отцу, дяде Давиду Смоленскому и тестю Всеволоду Суздальскому.

Ростиславъ же [...] ѿтолѣ (из Торческа – П.Т.) ѣха вборзѣ ко шцю во Вроуѣнн . съ сангаты³.

Ростиславъ нспросна оу шца . ко строевн своему ко Смоленскоу . съ сангаты ко Дѣдѣн⁴.

Ростиславъ же ѣха ко цтю своему в Соуждаль со сангаты⁵.

О том, что представляли собой дары Ростислава, видно из описания его победы над половцами. Ему удалось захватить скот, коней, челядь, колодников, а также половецких княжичей:

н шполонншася . Ростиславъ н Черннн Клобуцѣ . скотомъ н коньмн н челядью . н колодникъ много нзньмаша . княжнчѣвъ ѿ н добычн мочжн нмаша⁶.

Далее летописец замечает, что всякого полона н не бѣ чнсла. Несколько ниже говорится, что Ростислав захватил товар, братию, а также жен и детей половецких.

В летописной статье 1246 г., повествующей о победе Данила и Василька Романовичей над литовцами в районе Пинска, речь идет о том, что Василько же прнведе первын сангаты . ко братоу сн⁷. Нет сомнения, что здесь имеется в виду какая-то часть добычи, захваченной у побежденных. Первый *сайгат* по праву принадлежал старшему князю, а второй, видимо, самому Васильку, хотя летописец и не сказал об этом.

Большой интерес в этом сообщении представляет словосочетание прнведе [...] сангаты. Полагать, что Данилу привели литовских пленников, как будто, не дает разъяснение статьи, что большинство их было истреблено русскими дружинниками, а небольшой части, во главе с неким Аишвно Рушковичем, удалось бежать:

вснн же вонн его (Рушковича – П.Т.) нзбѣнн бѣша . самому же . Рюшковнчу оу малѣ оутекшю⁸.

«Привести», правда, можно было не только пленников, но и их коней, а также коней и скот, захваченных прежде у руси. Короткая фраза – всь бо плънъ шѣаста – позволяет именно так и понимать слово «приведе».

Почти аналогичное сообщение содержится в летописной статье 1260 г., рассказывающей о походе Василька Романовича на Литву, предпринятому по приказу Бурундая. Василковн же ѣдоушоу по Бороуѣнн шдннномоу по Антовьскон землѣ . шбрѣтъ негдѣ Антоу . нзбнѣв ю н прнведе сангаты . Бороундѣвн⁹.

По существу, лишь в последнем летописном упоминании о загадочном *сайгате* четко раскрыто его содержательное значение. Находится оно в статье 1262 г., где рассказывается о битве русских дружин во главе с Васильком Романовичем с литовцами у города Небля. Она закончилась полной победой русских, после чего Василько приступил к дележу добычи. Первый *сайгат*, как это было и в 1246 г., он послал брату Данилу: *Посла же сангать . братоу своему королеви . с Борнѣ . н со Нзѣболкомъ*¹⁰. Данило находился тогда в походе на угров и поэтому Борису пришлось догонять его. Их встреча произошла у города Телича. Как свидетельствует летописец, о приходе Бориса сообщил Данилу кто-то из его слуг: *ѡ гнѣ людѣ . кацѣ се ѣдутъ за шнтъ со соуланамн . а конѣ с нмн поводьннн*¹¹. Дальше следует еще более конкретная фраза о том, что послал Василько брату в качестве *сайгата*: *Борнѣ же прнѣха н прнведе сангать . королеви н конѣн во съдлѣхъ . шнтъ соуланѣ шеломы*¹².

Таким образом, из последнего сообщения вполне определенно следует, что под *сайгатом* во всех случаях подразумевалась военная добыча, прежде всего боевые кони и предметы вооружения. Может, точнее сказать, что *сайгат* – это военная добыча, превращенная в приз победителям или в дар суверенам. До этого момента она всегда обозначена в летописи словом «полон». Производный от него галагол «ополонитися» равнозначен захвату военной добычи. В статье 1184 г. *Inam.* сказано: *прочаа же воа нхъ (половцев – П.Т.) шнхъ нзѣнша . а конѣ н шрѣжьѣ . многѣ множество . н шполонншаса*¹³. Так же («ополонишася») обозначен и захват военных трофеев Ростиславом Рюриковичем. По существу, термин «сайгат» равнозначен древнерусскому слову «дар» или «подарок», но только в том случае, если он подносился за счет военной добычи. Это особенно хорошо видно из статьи 1193 г. *Inam.*: Ростислав Рюрикович преподнес своему тестю Всеволоду Суздальскому *сайгат*, а в ответ тот *ѡддѣрнѣ* (его – П.Т.) *дѣрѣмн многнмн*¹⁴.

По происхождению слово *сайгат* восточное. В словаре М. Фасмера оно сопоставлено с казахским и туркменским словами «сауга» и «совгат», и переводится как «доля добычи, подарок, вознаграждение»¹⁵. Кроме названных, это слово имеется также в других восточных языках. В персидском оно означает «подарок», «гостинец», афганском – «гостинец», «подарок», в казахском – «подарок из военной или охотничьей добычи», крымско-татарском – «добычу», «трофей», в *Codex Cumanicus* – «долю армии»¹⁶.

Нет сомнения, что в древнерусский язык слово *сайгат* проникло из половецкого. В пользу этого свидетельствуют статьи *Inam.* 1174 и 1193 гг. Большого распространения оно, по-видимому, не имело, но некоторые книжники несомненно знали его. Более употребляемым стало, надо думать, в середине XIII в., что и нашло отражение в галицко-волынском летописании. Можно предположить, правда, что западнорусские книжники позаимствовали его из текстов своих киевских коллег, однако более вероятной кажется мысль о повторном его проникновении в древнерусский уже из татарского (монгольского) языка. При тех постоянных и разнообразных связях галицко-волинских земель

с монголо-татарами, которые имели место в середине второй половины XIII в., такой путь кажется вполне естественным. Однако и в это время слово *сайгат* не вошло в древнерусский язык на правах лексической нормы и не получило повсеместного распространения. Ни в одном другом письменном памятнике оно не встречается.

Наиболее близко по значению древнерусский термин *сайгат* стоит к одноименным словам казахского и киргизского языков, а также к значению в *Codex Cumanicus*. В первом летописном упоминании *сайгат* означал долю военной добычи, распределенной между непосредственными победителями, во всех остальных — подарки из военной добычи, поднесенные суверенам.

- 1 ПСРЛ. Т.2. Стб.569.
- 2 Там же.
- 3 Там же. Стб. 678.
- 4 Там же.
- 5 Там же. Стб. 678–679.
- 6 Там же. Стб. 677–678.
- 7 Там же. Стб. 798.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Стб. 847.
- 10 Там же. Стб. 857.
- 11 Там же.
- 12 Там же.
- 13 Там же. Стб. 636.
- 14 Там же. Стб. 679.
- 15 Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т.3. М., 1987. С. 545.
- 16 Консультация доктора филологии В.А. Бушакова.

Петр Толочко

О новгородской «гривне серебра»

Одной из существенных проблем в изучении денежно-весовых систем Древней Руси остается отождествление известных из письменных источников названий счетно-весовых единиц с археологически обнаруженными слитками серебра различной формы и веса. Как известно, «Правда руская» (в обеих редакциях) наиболее крупной единицей обращения считает *гривну*. Памятники XII – XIII вв. знают также и целый ряд видов гривны: *гривну серебра*, *гривну кун*, *гривну старых/ветхих кун*. Уточнения, с которыми гривна фигурирует в текстах XII – XIII вв. заставляет думать, что речь идет о стоимостях иных, чем *гривна* «Правды русской». Действительно, на основании сравнения штрафов (вир) «Правды русской» (выраженных в *гривнах*) и аналогичных штрафов, упомянутых в договорах 1189 - 1199 г. Новгорода с Готским берегом и немецкими городами и 1229 г. Смоленска с Ригой, Готландом и немецкими городами (выраженных в *гривнах серебра*), считается установленным, что новая единица XII – XIII вв.